

*Жалобная песнь для успокоения сердца, или разговор совсем не веселый
(по произведениям А.Приставкина «Ночевала тучка золотая» и
«Кукушата»)*

1) Слово учителя.

Сегодня у меня с вами должен состояться непростой разговор. Правда, кое-кто может усомниться, а нужен ли он именно сейчас? В такое время, когда и так все сложно, неясно, тревожно...И все же мы отправимся в 1944 год. Еще недавно, говоря об этом периоде, мы считали: там – все понятно. Там – война. Свои и чужие. Друзья и враги. По одну сторону баррикады – мы, по другую – они. И никаких вопросов.

И вдруг выясняется, что и по нашу сторону баррикад не все ясно. Что врагами, убийцами могут стать и свои.

Но зачем, говорить об этом, зачем нам это знать? Ведь об этом невозможно читать – больно! Ведь тут каждая строка, каждый знак препинания кричит от боли, призывают к гуманизму: услышьте нас! Услышьте несчастных Кузьменьшей, услышьте обездоленных, обманутых Кукушат! Они живые, они – рядом с вами! Вы, живущие в ином мире, более благополучном, - услышьте!

А. Приставкин говорил: «Правда – это всегда болевой шок, но на нее вся надежда. Горечь, боль, разочарование, стыд, страх – какая волна захлестнула нас, прозревших! Правда – это единственное, что нас вылечит».

2) И так...«Ночевала тучка золотая»...«Кукушата». Год 1944. Детские дома – в Томилине и Голятьвине. Далеко друг от друга. Но чем же близки друг другу наши герои?

(Кукушата в Томилине и Кузьменьши в Голятьвине недоедают. И в том, и в другом детдоме – жуткий голод, дикие нравы. Эти одиннадцатитринадцатилетние мальчишки рано повзрослели, но их взрослость особого рода – та, о которой говорят: «Голь на выдумку хитра». Украсть – что угодно, где угодно, у кого угодно – это не считается в их среде зазорным. И нам как-то не хочется их упрекать в этом...

3) Невозможно спокойно читать описание того, какой лютей голод испытывают наши герои.

В «Тучке»: «Слюна накипала во рту. Схватывало живот. В голове мутнело. Хотелось забыть, закричать и бить, бить в ту железную дверь, чтобы отперли,

открыли, чтобы поняли наконец: мы ведь тоже живые, тоже хотим. Пусть потом в карцер, куда угодно. Накажут, избыют, убьют. Но пусть сперва покажут, хоть от дверей, как он, хлеб, грудой, горой, Казбеком возвышается на искромсанном ножами столе».

А в «Кукушатах»: «А жизнь, наша жизнь потекла своим обычным руслом в заботах о дне насущном: раздобыть съестное и, конечно, дожидаться, дожить до бесценных минут ужина, хотя было заведомо известно, что это будет за ужин: снова затируха с капелькой постного масла и крошечная паечка хлеба. На ужин давали хлеба меньше всего. Верный расчет нашего директора Чушки на то, что к ночи ста спецрежимным питомцам легче добыть, стащить, достать, своровать пропитание, чем, скажем, по утрам. Но где достать?»

4) А. Приставкин изнутри знает то, о чем пишет. Все рассказанное им – пережито, перечувствовано, перемолото в памяти сотни раз. Бывший детдомовец, чудом выживший, он и Кукушонок, он и Кузьменыш. Может, он выжил для того, чтобы донести до нас страшную эту правду?

И все же... Война. Голод. Не только Кузьменыши и Кукушата – вся страна голодала... Не вся. Жили безбедно и сыто директора детдомов – томилинский Хряк и голятовинский Чушка. Сколько неприкрытой ненависти зреет в детских сердцах, когда они рассказывают о своих директорах-нахлебниках, нажившихся на детском горе! Вспомним же эти исполненные ненависти страницы.

В «Тучке»: «Примите же это, не высказанное от моих Кузьменышей и от меня лично, запоздалое из далеких восьмидесятых годов непростение вам, жирные тыловые крысы, которыми был наводнен наш дом – корабль с детишками, подобранными в океане войны...»

Владимир Николаевич Башмаков, так звали одного из них. Он был директором Галовского интерната, и владел нашими судьбами, и морил нас голодом...».

В «Кукушатах»: «Наш директор Чушка...рыхлый, тяжеловесный, с одышкой и нас никого не помнит. Он даже не делает вид, что мы его интересуем. Его интересуем только его дом, его хозяйство и его свинство».

Писатель ничего не забыл, он убежден, что за подлое прошлое неминуема расплата – пусть даже в сытом, благополучном будущем. Расплата одному из директоров придет со страниц «Тучки». Автор рассекретил его имя. Расплата другому... Но об этом позже.

5) И все же пути героев обеих книг расходятся. Это трагические пути, но – по-разному трагические.

Сначала – Кузьменьши. Кажется, нет ничего более различного, чем учесть одиннадцатилетних русских мальчишек Кузьменьшей, привезенных в 1944 году на Кавказ, и участь тех чеченских детей, которых отправляют в противоположную сторону. Этот эшелон с зарешеченными окнами, из которых тянут смуглые руки сверстники автора, один из героев встречает на запасных путях станции. Вспомним же эту встречу («Но об одном, что видел тут, на станции, он промолчал...»).

И далее автор говорит: «Наши поезда постояли бок о бок, как два брата-близнеца, не узнавшие друг друга, и разошлись навсегда, и вовсе ничего не значило, что ехали они – одни на север, другие – на юг. Мы были связаны одной судьбой».

б) И действительно – это две нити одной судьбы. Да, среди тех, кто находился в оккупации, были люди, шедшие на службу к фашистам. Но нет такой вины отдельного человека, за которую должен отвечать весь народ.

«Лес рубят - щепки летят» - так объясняли тогда причину выселения чеченцев из родного края. Но никогда, кажется, еще не уподоблялся щепке целый народ. И народы. Ибо судьба чеченцев не исключительна.

Одна несправедливость порождает другую. Страдания детей, протягивающих руки перед решеткой, негодование при виде разрушения могил твоих предков – все это порождает жажду мести. А месть – темна, не знает границ и пределов и в конечном счете обрушивается на невинных.

Можно понять чувства, с которыми воспротивившиеся высылке чеченцы ушли в горы. В конце повести Колька будет лежать в горах, уткнувшись носом в землю, под дулом ружья, слыша громкий спор о своей участи: крики своего

маленького нового друга на незнакомом языке и ответы мужчины: тот кричал по-русски, наверное, для того, чтоб слышал Колька: «Моя зимла! Он на мой зимла приходил! Мой дом! Мой сад!»

Но при чем здесь бедные Кузьменыши? Им-то за чьи грехи отвечать? Им-то, почему бежать по зарослям кукурузы, слыша за собой топот лошадиных копыт, треск, шум погони, гортанный говор, ожидая каждую минуту смерти?

За что Колька должен был пережить смертельный страх, превращающий его в маленького зверька: зарыться бы в землю, забыть бы лошадиное копыто около своего лица! И – куда еще более страшное – за что Сашке висеть на заборе со вспоротым животом, набитым пучками желтой кукурузы, с початком, торчащим во рту?

Повесть Приставкина кончается нотой надежды. Колька обретает брата Алхузуара.

Но вопрос о Сашке, о его горькой судьбе этим все равно не снимается...

7) Точно также не снимается вопрос о судьбе восьми Кукушат – героев другой повести Приставкина.

Но почему – Кукушата?

(Их фамилия – Кукушкины. Они не братья, не родственники. Они - дети «врагов народа». Когда их отцов арестовывают, сердобольный врач, оформляя документы, нарекает каждого своей фамилией – Кукушкины. Чтобы не было у них осложнений. Чтобы - как лучше им. Большинство из них так и не узнает настоящей своей фамилии. Кукушонок и Кукушонок. Но есть и другая сторона медали. Издревле на Руси матерей, бросавших детей, называли кукушками, а брошенных младенцев – кукушатами. Дико, но здесь кукушкой является мать-Родина, осиротившая детей).

8) И какова же их репутация в детском доме?

(Их называют Выводком или Гнездом. А если кто попался на рынке, то Стаей, а то и Бандой. С ними не связываются: они умеют за себя постоять).

9) Дети ничего не знают о своем прошлом (да и какое у них прошлое?), о своих отцах-матерях. Где они? Кто они? Никто не знает.

Но чувствуют, что в их жизни есть какая-то скрытая от них тайна...

(«Мы вообще странные существа, создания, зашифрованные в какие-то времена, и лишь наше поведение выдает нашу причастность к чему-то, чего мы не знаем. Спросить же нам некого. А когда нам говорят о нас, то обычно врут»).

10) И вот в жизни из одного Кукушат происходит событие, все изменившее. (От приехавшей в детдом тети он узнает, что зовут его Сергей Егоров, что он – сын арестованного в 1939 году конструктора Антона Егорова, что отец перед арестом положил на сберкнижку на имя Сергея сто тысяч рублей. Многие вопросы мучают героя, и вот он в сопровождении двух Кукушат отправляется в Москву, к товарищу Сталину, чтобы спросить, где их родители).

11) В Москве мальчуган находит своих родственников – дядю и мать. Как же встречает Сергея мать?

(«...Женщина вдруг спросила из-за двери:

- Сергей? Ты тут?

Я кивнул. Я ничего не произнес, но она уверенно подтвердила:

- Я знаю, что ты стоишь. Ты один? Нет?

- Мы – трое! – крикнул в щель Хвостик.

- Ну, вот видишь, - сказала женщина. – И все бандюки!

- Нет! Нет! – крикнул Хвостик. – Мы не бандюки, мы дети!

- Все равно. Я не открою. Я с твоим отцом и не жила, когда его забрали. А потом я написала, что я ни его, ни тебя не видела и ничего про вас обоих не знаю. Я от тебя сразу отказалась. Так что уходи...Сергей...Мне и без тебя тяжело...

- Антонида...Мы тебе не нужны? – крикнул в щель Хвостик.

- Вы мне не нужны...»

Воистину – Кукушата...

12) Усталые, разочарованные, возвращаются наши герои в Голятьвино. А куда им еще деваться? И здесь происходит страшное: умирает запертый взрослыми в холодном подвале их друг Корешок...Что же решают дети?

(Мстить! Мстить ИМ, повинным в гибели Корешка – бледного золотушного мальчика! Сжигать бумаги в директорском сейфе! Громить! Бить! Наказывать!

Необузданная стихия страшна...И была лишь одна святыня в этих погромах – Сталин...Сталин – в портретах, в словах, в мыслях – неприкосновенен.

По тексту: «Мы не против ихнего мира вообще...Мы нелюдь, зараза, мы чумные крысы, которые могут перекусать всех, кто попадает на пути.

Кроме товарища Сталина в Кремле. Он один так про нас думать не может, потому что он друг всех советских детей. Не зазя мы ему телеграмму дали...»

13) Сознавая свое бессилие в этой жуткой бойне, уже попавшие в засаду, обложенные со всех сторон, как волчата, Кукушата размышляют:

«Кем же они нас считали? Выродками? Исчадием ада? Дьявольским наказанием ихнему поселку, ихним городам, ихней столице Москве...Ихней стране?»

14) Итог – страшен. Местный милиционер Наполеончик в упор расстреливает детей. Расстреливает, чтобы потом отчитаться в НКВД: «Докладываем, что в районе поселка Голятвино группой поселковой милиции обезврежена группа рецидивистов-подростков, совершивших разбойные нападения на отдельных граждан поселка. Все преступники в количестве восьми человек уничтожены».

Самому старшему из них было тринадцать лет. Младшему – шесть.

15) Но возмездие настигает Наполеончика – пусть и спустя годы. Как?

(Приставкин не хочет ничего забывать...В день своего юбилея преуспевший полковник в отставке получает телеграмму: «Поздравляем. Ждем. Кукушата».

Вот она, весточка из прошлого, которое он стремился забыть в этой своей благополучной жизни. Что это? Ожившие призраки? Голос судьбы? Наполеончик не знает. Ах, лучше бы он никогда не знал их, детей «врагов народа», - детей Егорова и Блюхера, Гамарника и Уборевича...).

16) Как смеется она, дочь комдива, рожденная в лагере,

И ломают бисквит ее пальцы такой запоздалой по возрасту лакомки.

Эти пальцы привычными были к детдомовской ложке и лому.

Ей сейчас пятьдесят – ровно столько же, сколько и тридцать седьмому.

В невеселый особый детдом угодила дочь комдива.

В детдоме для детей врагов народа
Выковывалась новая порода.
Из дома для детей врагов народа
Не получилось тайного завода.
Где бодро штамповали бы льстецов,
Забывших про исчезнувших отцов.
В детдоме для детей врагов народа
Вынашивалась тайная свобода.
Там научилась жить во лжи правдиво дочь комдива
Вот почему сегодня, нам на диво,
Как девочка смеется, дочь комдива.
Когда она припоминает вдруг допрос в пятидесятом –
Вроде сказочки и то, как две кальсонные завязочки,
Торчали из-под бериевских брюк.
А что за сказки услыхала маленькая,
Забившись в темный угол, дочь Гамарника?
Слыхали ль сказку про Иван-царевича
Дочь Тухачевского, дочь Уборевича?

Е.Евтушенко